

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПАТРИСТИКА И СЮЖЕТЫ О КУЛЬТЕ СТИХИЙ В АНТИЯЗЫЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сюжет о культуре стихий в антиязыческой литературе Древней Руси остается одним из главных источников для многочисленных и противоречивых реконструкций языческих воззрений восточных славян. Цель работы – проанализировать историю складывания этого литературно-мифологического образа в древнерусской книжности, а также определить возможности его использования как источника по духовной культуре восточных славян.

Материалы и методы. Проведен сравнительный анализ поучений, житийной, исповедальной литературы, а также памятников церковного права XI–XV вв. (с уточнениями по спискам более поздних периодов). Во время работы с данными письменными источниками был использован герменевтический метод как наиболее эффективный и перспективный для анализа древнерусской литературы.

Результаты. В ходе исследования определен основной протограф сюжета о культуре стихий в антиязыческой литературе Древней Руси – творения Ефрема Сирина и Кирилла Иерусалимского. Само содержание описываемого язычества для книжников отходило на второй план. В исследовании также показано общественно-политическое значение данного сюжета. Не позже XII в. он стал составной частью историософского учения о «казнях Божиих». Особую актуальность сюжет получил в конце XIII в. в связи с последствиями монголо-татарского нашествия и стремлением высших духовных иерархов к укреплению церковной дисциплины, что отразилось в правилах Владимирского собора 1274 г.

Выводы. Распространенный в антиязыческой литературе сюжет с порицанием культа стихий как источник по изучению духовной культуры Древней Руси является довольно противоречивым. С одной стороны, книжников, державшихся пришедших извне литературных шаблонов, слабо интересовали конкретные особенности аутентичных языческих культов. С другой стороны, пришедшие извне идеологические образцы по своему содержанию были в высшей степени абстрактны и метафоричны, поэтому могли быть использованы древнерусскими авторами для обличения синкретических религиозных воззрений современного им общества.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусская литература, поучение, язычество, христианство, герменевтика, патристика, религия, церковь.

А. А. Lushnikov

BYZANTIUM PATROLOGY AND CULT OF ELEMENTS IN ANTI-PAGAN LITERATURE OF ANCIENT RUS

Abstract.

Background. A subject of the cult of elements in Ancient Rus' anti-pagan literature stays one of the main sources for a lot of contradictory theoretical reconstructions.

tions of the Slavs' pagan religion. The aim of the article is to examine development of this plot in Ancient Rus' books and its potential as a source of information about spiritual culture.

Materials and methods. The author carried out a comparative analysis of homilies, hagiographies, confession collections and monuments of ecclesiastical law of XI–XV A.D (with additions from later variants). The author used hermeneutics as the most efficient and perspective method in ancient Rus' source studies.

Results. Works of Ephraem the Syrian and Cyril of Jerusalem were determined as the origins of blaming against the pagan cult of nature elements. The concrete Slav's paganism was not so important for authors in Rus. Also the investigation shows social and political essence of the plot. It became a part of the so-called "execution from God" doctrine not later than XII A.D. In the end of XIII A.D. it became topical due to Mongol – Tatar invasion's effects and efforts of the clergy to strengthen the discipline in church. This tendency was reflected in the rules of the Vladimir church council in 1274.

Conclusions. The popular subject about the cult of elements in anti-pagan literature of Ancient Rus is very discrepant. On one hand, the authors did not care about authentic paganism cults and used Christian patrology templates. On the other hand, foreign standards were very abstract and metaphorical, that is why they can be used for exposure of syncretic beliefs of their own society.

Key words: Ancient Rus, Ancient Rus' literature, homily, paganism, Christianity, hermeneutics, patrology, religion, church.

Древнерусская литература, остающаяся одним из основных источников изучения язычества восточных славян и религиозного синкретизма населения после принятия Русью христианства, рассматривала последние через идеологические конструкции, переходящие из одного произведения в другое. Как правило, от того, как эти образы интерпретируются в историографии, и зависит общая характеристика язычества, которое обычно пытаются представить как целостную систему – это является причиной существования значительного числа так называемых «реконструкций язычества». Наибольшее внимание при этом традиционно уделяется «высшей мифологии» (представлениям о богах), хотя в своем анализе исследователи вынуждены обращаться к другим «проявлениям дохристианской религии» – пирам, игрищам, вере в сакральные свойства материальных объектов и т.д. Одним из таких образов является популярное в антиязыческой литературе описание идолопоклонства как культа природы. В рамках статьи мы не можем охватить весь комплекс источников по данной проблематике и остановимся на одном сюжете о почитании язычниками разного рода стихий (главным образом водных источников), а также светил (солнца, луны, звезд). Подобное порицание переходило из одного произведения в другое, будучи очень распространенным в книжности Древней Руси.

Благодаря своей повторяемости этот антиязыческий мотив попал в поле внимания исследователей еще во второй половине XIX в., когда были опубликованы основные письменные источники по изучению восточнославянского язычества. Тем не менее вопрос о его происхождении рассматривался довольно поверхностно, а сам он рассматривался в качестве свидетельства, относящегося к аутентичному славянскому язычеству или народным верованиям после принятия христианства. Так, Е. В. Аничков, стремившийся описать язычество на основании письменных источников и пытавшийся проследить

историю созданию основных антиязыческих поучений, в данном сюжете видел отражение реальных религиозных практик: «земная вода... соединялась в представлении нашего предка-язычника с водой небесной. Умиловывая земную воду, можно было надеяться, что явится небесная влага» [1, с. 369]. Исследователь высоко ценил антиязыческую литературу как источник, отмечая: «Наши авторы имели перед собою только проявления былой веры, которой не знали и не понимали, но они стояли зато еще близко к быту, и это давало им полную возможность понять жизненное назначение совершавшихся у них на глазах актов веры» [1, с. 360]. Более осторожными были выводы Н. М. Гальковского, отметившего совпадение текстов греческих оригиналов и переводных сочинений в отношении данного мотива, но когда дело касалось собственно древнерусских произведений, ученый видел в их сведениях отражение «русской жизни» [2, с. 46–50].

В советской историографии данный сюжет определялся как отражение аутентичных верований. Наиболее четко данный подход прослеживается в знаменитых трудах Б. А. Рыбакова, собравшего многочисленные показания источников разного времени – как приближенных ко времени господства языческих верований в Древней Руси, так и сравнительно поздних [3, 4].

Наконец, современная историография по данному вопросу характеризуется разнообразием подходов. Так, одним из исследований, признающим аутентичный характер рассматриваемого литературного сюжета, является труд О. С. Осиповой, сделавшей попытку выявить «систему» славянского язычества на основе выделения ряда основных архетипических идей в картине мира [5].

В то же время важной тенденцией в современной историографии стало внимание к книжному происхождению ряда сюжетов, которые ранее считались только фольклорными [6, с. 46–48; 7; 8, с. 314–343; 9, с. 238–242]. Наконец, был сделан большой шаг вперед в методологии источниковедения Древней Руси – И. Н. Данилевским был обоснован герменевтический подход к изучению древнерусских текстов, предполагающий исследование внутреннего содержания источника, миропонимания автора и параллелей из авторитетных для последнего текстов [10]. Поиск интертекстуальных связей, определяющих многие особенности изучаемого источника, стал одним из приоритетных направлений в медиевистике.

Однако стоит признать, что многие книжные «языческие» образы еще только нуждаются в подобном переосмыслении – особенно рассматриваемое нами порицание культа стихий, которое при первом рассмотрении кажется стандартным и вполне соответствующим аутентичному язычеству. Таким образом, цель данной статьи состоит в анализе распространенного в книжности Древней Руси литературного сюжета об идолопоклонстве в образе культа стихий и небесных светил, а также возможности его использования как источника по духовной культуре восточных славян.

Интересующие нас тексты содержатся в византийской патристике, а также поучениях, житийной, исповедальной литературе, при этом в качестве дополнительного источника были использованы памятники церковного права Древней Руси. По своим хронологическим рамкам все они занимают довольно большой период – с XI по XV вв., некоторые из них – XVI–XVIII вв.; такой выбор вызван как небольшим процентом сохранившихся источников, так и дублированием ряда важных сведений, относящихся к более ранней эпо-

хе, в книжности позднего времени. Тем не менее наибольший интерес для нас представляет время складывания рассматриваемого нами образа (XI–XIII вв.).

Сравнительный анализ источников позволил сделать вывод о двух главных протографах образа культа стихий в древнерусской литературе, при этом все они относятся к византийской патристике (табл. 1). В ряде рукописей упоминается только культ воды. Эта направленность объясняется не только и даже не столько его распространенностью в народных верованиях, сколько влиянием первого Тайноводственного поучения Кирилла Иерусалимского, известного в списке XII–XIII вв. [11, л. 252–266]. Поричание культа воды в древнерусском переводе этого произведения выглядит следующим образом: «Потом глаголеши, и служение твое, служение диаволе есть, требищная молба, яже на честь бездушных капищъ бывають, еже вжизати свеща, или кадити при источницех, или реках» [12, л. 194].

Таблица 1

Литературный сюжет Тайноводственного поучения	Литературный сюжет «Паренесиса»
1	2
<p>Первое Тайноводственное поучение Кирилла Иерусалимского (в списке XII–XIII вв.): «Потом глаголеши, и служение твое, служение диаволе есть, требищная молба, яже на честь бездушных капищъ бывають, еже вжизати свеща, или кадити при источницех, или реках» [12, л. 194].</p>	<p>«Паренесис» Ефрема Сирина (древнейшие списки на Руси – XI в. (сохранились отрывочно), полный список – конец XIII в.): «Отрицаемся едином отречением и верования в солнце, и в луну и в звезды и в источники» [20, л. 238об].</p>
Почтения, житийная литература	
<p>«Слово Григория Богослова об избиении града» (X слово в сборнике «XIII слов Григория Богослова», XI в.) Сходно с греческим оригиналом: «Ов пожьре неводоу своемуу имену много». Вставка: «Ов требоу створи на стоуденци дъжда иски от него» [13, с. 243]. Слово о ведре и казнях божиих (ранний список – Симеоновский Златоструй XII в.): «Поразих вы зноим и различными язами. то и тако не обратистесь к мене, но рекосте створим зълая да придут на ны добрая: пожьрем стоуденьцем и рекам и сетем, да оулоучим прошения своя» [14, с. 37]. «Слово на память иже во святых отца нашего епископа» (предположительно XV в.):</p>	<p>Кирилл Туровский. Слово на Антипасху (XII в.): «Обновися тварь; уже бо не нарекуться богом стухия: ни солнце, ни огонь, ни источници, ни дресеса» [21, с. 415]. «Слово Иоанна Златоуста о том, как первое погани веровали в идолы» (не позже XIII в.): «И нача жрети молнии и грому, солнцу и луне... а друзии огневи и камению и рекам и источником и берегиням и в дрова» [17, с. 55–63]. «Слово святого Кирилла о злых дусех» (XIV в.): «Не нарицайте себе бога на земли ни в реках, ни в студенцах, ни в птицах, ни на воздусе, ни в солнце, ни в луне, ни в камении» [17, с. 64–75]. «Слово святого Кирилла о первозданном» (XIII в.): «Овы прельсти в тварь веровати и в солнце же и в огонь, и в источники же и в дреса» [22, с. 257].</p>

Окончание табл. 1

1	2
<p>«Но ты того оставив, рекамо и источником требы полагаеши и жрещи яко богу твари бездушной. да того ради и бывает небо затворение и бездожие» [15, л. 228].</p> <p>«Житие Константина Муромского» (XVI в.):</p> <p>«Требы кладуще озерам и рекам... очныя ради немощи умывающесе и сребреницы в ня повергающее» [16, с. 100–104].</p> <p>«Слово святых отец о посте устава церковного» (известно в списках XV–XVI вв.):</p> <p>«Моленья колодезная и речьяная» [17, с. 158].</p>	
Исповедальная литература	
<p>Исповедальные вопросы по рукописи Софийской библиотеки (XV–XVI вв.):</p> <p>«Или молился бесом у кладезя или моления идолом ел или пил» [18, с. 433].</p>	<p>Служебник с требником (XVI в.):</p> <p>«Вопрос мужем и отрокам»: «Или кланялся чему от твари, солнцу, или звездам, или месяцу, или зари» (повторяется в «Вопросе женам и девицам») [23, с. 151–152, 167–168].</p> <p>«Исповедь каждого чина по десятословию с увещанием святых отец и учителей церковных» (начало XVIII в.):</p> <p>«Не называл ли тварь божию за святыни: солнце, месяц, звезды, птицы, рыбы, звери, скоты, сады, древа, камение, источники, кладези и озера, не почитал ли их чудотворными» [23, с. 289].</p>
Памятники церковного права (косвенно)	
<p>Правило Владимирского собора 1274 г.:</p> <p>«И се слышахом, яко в пределех новгородских невесты водят к воде, и ныне не велим тому тако быти» [19, с. 84].</p>	<p>Устав святого Владимира (третья редакция), XIII в.:</p> <p>«А се церковнии суди... или кто молиться под овином, во ржи, или под рощением, или у воды» [24, с. 245].</p>

Таким образом, перевод оказался дословным и не содержащим каких-либо значимых изменений.

Цель Тайноводственных поучений – объяснить новопросвещенным смысл главных таинств церкви, поэтому в цитируемых выше строках осуждаются любые языческие моления у воды в противоположность христианскому обряду крещения. Данная установка и была взята на вооружение древнерусскими книжниками, порицавшими «пороки» современного им общества. Образ языческого моления у воды, переходя из одного сочинения в другое, стал одним из символов идолопоклонства. Такому широкому распространению сюжета из Тайноводственного поучения способствовало то, что

обряды, исполняемые современниками древнерусских книжников, вероятно, имели сходство с описанными практиками в византийских образцах.

Кроме того, источником образа культа стихий в древнерусской литературе стали творения Ефрема Сирина. Как правило, они читались по популярнейшему в Древней Руси сборнику его слов «Паренесис», составленного, вероятно, еще в Болгарии в X в. [25, с. 296–299]. Хотя греческого аутентичного аналога этому сборнику найдено не было, и в этом источнике интересующие нас строки не содержат значительных отступлений от оригинальных произведений.

Так, в современном переводе «Слова о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» Ефрема Сирина читаем: «Отрекаюсь всего, бывающего в солнце, луне и звездах, в источниках и деревьях, на распутьях, в жидкостях и чашах, и других многих бесчинных дел», а в Паренесисе (по Троицкому списку конца XIII – середины XIV вв. научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, состав которого довольно устойчив) находим «Слово о терпении, и о кончине, и о втором пришествии Христове, и о поучении божественных книг, что есть безмолвию польза», однако интересующие нас строки в сокращении помещены в другую главу – «Слово о покаянии и спасении души», где читаем: «Отрицаюся всех бывающих солнце и луне и звездах и инех» [20, л. 238об]. В более полном виде эта фраза дана, в частности, в Измарагде XVI в.: «Отрицаемся единым отречением и верования в солнце, и в луну и в звезды и в источники» [26, л. 69об].

Интересным моментом в антиязыческой литературе являются добавления к тексту протографа. Так, более обширный список почитаемых объектов находим в «Слове на Антипасху» Кирилла Туровского, в «Слове святого Иоанна Златоуста», в «Слове святого Кирилла о злых дусех» (см. табл. 1). Вероятно, все же можно признать отражение в таких добавлениях аутентичных синкретических религиозных воззрений современников, но история подобных вставок может быть более сложной. Особенно ярко об этом свидетельствует «Слово Григория Богослова об избиении града». Сюжет с неводом часто понимается исследователями как свидетельство, однозначно относящееся к языческой религии славян, тем более, что собственно культ невода был распространен у крестьян в более позднее время, будучи связанным с плодородием, браком и защитой от нечистых сил [27, с. 122–129]. Однако в действительности данный сюжет присутствует уже в греческом оригинале и является ничем иным, как цитированием библейской книги пророка Аввакума (Авв. 1: 16): «За то приносит жертвы сети своей и кадит неводу своему, потому что от них тучна часть его и роскошна пища его» [28, с. 917]. Понятие рыболовной сети здесь метафорично – людей, оставляемых Господом как рыба в море, захватывает сеть злодеяний, которой они вынуждены приносить жертвы. Это место было по-своему воспринято переводчиком, добавившим к оригиналу порицание языческого культа «студенцов». Интересно, что в «Слове о ведре и казнях божиих» по Златострую культ водных источников сопровождал культ сетей, а в самом «Слове Григория Богослова об избиении града» уточнялось, что требы «студенцам» приносятся в желании вызвать дождь. Последнее, вероятно, сложилось все же из наблюдений за религиозной жизнью современников, а требы «сетям» – результат своеобразного восприятия книги пророка Аввакума. Таким образом, даже вставки, делаемые

в подобные сюжеты, не всегда в полной мере свидетельствуют о каких-либо аутентичных славянских верованиях.

Однако наш анализ был бы неполным, если бы мы не проследили влияние перечисленных произведений не только на поучения, но и на другие источники, имевшие более практический характер. Прежде всего это сборники исповедальных вопросов – такая литература, которая непосредственно диктовала взаимоотношения священника и паствы. Тем не менее даже в них в целом можем наблюдать следование пришлому образцам. Так, вопрос «Или молился бесом у кладезя или моления идолом ел или пил» [18, с. 433] необязательно отражал факт длительного существования некоего широкомасштабного языческого культа у современников – если моления у «кладезя» возникли в антиязыческой литературе под влиянием Тайноводственного поучения, то известный мотив языческой трапезы – книги пророка Исаяи и сопутствующем древнерусском толковании [17, с. 84–91].

Подобное можно сказать и в отношении исповедального вопроса о нарушении второй заповеди, дающей, казалось бы, более «широкую» картину: «Не называл ли тварь божию за святыни: солнце, месяц, звезды, птицы, рыбы, звери, скоты, сады, древа, камение, источники, кладези и озера, не почитал ли их чудотворными» [23, с. 289]. Вряд ли оно возникло только из наблюдения воочию «языческих нравов», достаточно сравнить его с формулировкой второй заповеди по Второзаконию (Втор. 4: 15–19): «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли; и дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом» [28, с. 205].

Другой источник, носящий подобный практический характер, – памятники церковного права. Влияние рассматриваемого нами сюжета здесь начинает иметь место в конце XIII в. – косвенно в «Уставе святого Владимира» третьей (обширной) редакции и Правилах Владимирского собора 1274 г. Интересно, что в первом источнике первой (краткой) и второй (средней) редакции язычество выступало только в образах ведовства, чародейства и изготовления зелий, которые и были впоследствии дополнены «молением под овином, во ржи, или под рощением, или у воды» [24, с. 245].

Связь Правила Владимирского собора 1274 г. с антиязыческой линией, заданной как «Паренесисом» Ефрема Сирина, так и первым Тайноводственным поучением Кирилла Иерусалимского, является, с нашей точки зрения, более тесной. Конечно, ее нельзя объяснить только лишь упоминанием о культе воды – дело в идеологической значимости рассматриваемого нами сюжета.

Антиязыческая проповедь приобрела свойства идеологии вместе с принятием христианства. Ее характер был двойкий – с одной стороны, порицались многочисленные проявления язычества как отрицательные явления ду-

ховной жизни человека, с другой стороны, утверждалась победа христианства над язычеством, проводились диаметрально противоположные стороны жизни Руси в эпоху «господства» язычества и в эпоху после крещения государства. Особенно ярко это было отображено в «Слове на Антипасху» Кирилла Туровского [21, с. 415], где используется рассматриваемый нами образ язычества, заложенный в византийской патристике. При этом для автора вряд ли имели значения конкретные особенности аутентичных славянских верований – интерес к подобным вещам был просто недопустим, а форма для их описания была задана извне.

Вместе с подобной направленностью не позже XII в. зарождается другая антиязыческая идеологическая линия, связанная с историософским учением о «казнях Божиих». Соответственно, языческие верования объявлялись источником наказаний Господа и причиной разного рода бед. Рассматриваемый нами литературный сюжет входит в «Слово о ведре и казнях Божиих», где была отражена данная идеология. Образ язычества как культа рек и «студенцов» стал во многом преобладающим. Господь здесь выступает по отношению к язычникам-грешникам в роли сурового судьи и насыляет на них несчастья «поразих вы зноим и различными язами», но те держатся своих верований: «То и тако не обратитесь к мене, но рекосте створим зылая да придут на ны добрая: пожьрем стоуденьцем и рекам и сетем, да оулоучим прошения своя» [14, с. 37].

Особую актуальность данный антиязыческий сюжет приобретает в конце XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием, страшной засухой, а также ослаблением церковных связей. В этих условиях учение о «казнях Божиих» развивается Серапионом Владимирским. В своем «Поучении о маловерии» он прямо утверждает о том, что язычество стало виной всех бед на Руси: «Обычай поганьский имате: волхвам веру имете и пожагаете огнем неповинныя человеки. Где се есть въ Писаньи, еже человекомъ владети обильемъ или скудостью? подавати или дождь, или теплоту? О, неразумнии! вся бог творит, якоже хошет; беды и скудость посылаеть за грехи наша и наказая насъ, приводя на покаянье. О, маловернии, слышасте казни от бога... И в наша лета чего не видехомъ зла? многи беды и скорби, рати, голодь, от поганых насилье... Егда кая на насъ казнь от бога придет, то боле прогневаем, изветы кладучи: того ради ведро, сего дея дождь, того дея жито не родиться; и бывае-те строители божией твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите?» [29, с. 454]. Интересна также связь образа язычников, стремящихся вызвать дождь по вставке в «Слово Григория Богослова об избииении града» (XI в.), и данным поучением (XIII в.), хотя последнее непосредственно отражало реалии своего времени.

Наконец, с целью усиления церковной дисциплины в 1274 г. собирается Владимирский собор. Во вводной части его правил, помещенных в Новгородскую кормчую 1280 г., говорится о тяжелой духовной ситуации: «Тем бо аз Кюрил, смиренни митрополит всея Роуси, многа оубо видением и слышанием неустроение церквах, ово сице държаща, ово инако, несъгласия многа и гроубости, или неоустроением пастоушьским, или обычаем неразумия, или неприхожением епископ, или от неразоумных правил церковных. Помрачєнии бо бяхоу преже сего облаком моудрости елиньскаго языка, ныне же облисташа, рекше истолкованы быша и благодатью Божиєю ясно сияют, неве-

дения тмоу отгоняще и все просвещающее светъм разоумным и от грех избавляющее» [19, с. 84]. Многие его постановления касаются язычества, одно из которых специально было посвящено культу воды: «И се слышахом, яко в пределех новгородских невесты водят к воде, и ныне не велим тому тако быти» [19, с. 101]. Учитывая, какую актуальность порицание треб источникам получило в антиязыческой литературе, вряд ли следует сомневаться в его влиянии на данное постановление. Конечно, оно было уже отражением реального положения дел, а не простого цитирования других авторов, иначе отпадал смысл в этих правилах. Тем не менее показательное внимание отцов собора именно к этому обряду среди прочих – оно, несомненно, было вызвано общей идеологической атмосферой, заданной учением о казнях божьих.

Таким образом, рассматриваемый нами сюжет с порицанием культа стихий в антиязыческой литературе как источник по изучению духовной культуры Древней Руси является довольно противоречивым. С одной стороны, книжников, державшихся пришедших извне литературных шаблонов, слабо интересовали конкретные особенности аутентичных языческих культов. С другой стороны, пришедшие извне идеологические образцы по своему содержанию были в высшей степени абстрактны и метафоричны, поэтому могли быть использованы древнерусскими авторами для обличения синкретических религиозных воззрений современного им общества.

В любом случае такой источник, как антиязыческая литература, требует особого тщательного интертекстуального анализа, что позволит повысить уровень достоверности исследования по такому сложному вопросу, как история духовной культуры восточных славян и Древней Руси.

Список литературы

1. **Аничков, Е. В.** Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – М. : Академический проект, 2009. – 538 с.
2. **Гальковский, Н. М.** Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – Харьков : Епархиальная типография, 1916. – Т. 1. – 376 с.
3. **Рыбаков, Б. А.** Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 783 с.
4. **Рыбаков, Б. А.** Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
5. **Осипова, О. С.** Славянское языческое миропонимание (философское исследование) / О. С. Осипова. – М., 2000. – 98 с.
6. **Зубов, Н. И.** Научные фантомы славянского Олимпа / Н. И. Зубов // Живая старина. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1995. – № 3. – С. 46–48.
7. **Клейн, Л. С.** Воскрешение Перуна: к реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. – СПб. : Евразия, 2004. – 480 с.
8. **Петрухин, В. Я.** «Боги и бесы» русского Средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия / В. Я. Петрухин // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М. : Индрик, 2000. – С. 314–343.
9. **Петрухин, В. Я.** Древняя Русь: Народ. Князь. Религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. I. Древняя Русь. – С. 238–242.
10. **Данилевский, И. Н.** Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.

11. Государственный исторический музей (ГИМ). Ф. Син. Д. 478.
12. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 304. Оп. 1. Д. 124.
13. **Будилович, А. С.** XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе / А. С. Будилович. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1875. – 293 с.
14. **Срезневский, И. И.** Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1867. – Т. 1. I–XL. – 198 с.
15. НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 78.
16. **Серебрянский, Н. И.** Древнерусские княжеские жития / Н. И. Серебрянский. – М. : Чтения Общества истории и древностей Российских, 1915. – Ч. 2. – 184 с.
17. **Гальковский, Н. М.** Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Н. М. Гальковский. – Харьков : Епархиальная типография, 1916. – Т. 2. – 308 с.
18. **Каратыгин, И. Г.** Обзор некоторых особенностей в чинопоследованиях рукописных требников, принадлежащих библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии / И. Г. Каратыгин // Христианское чтение. – СПб. : Типография А. П. Лопухина, 1877. – № 3–4. – С. 423–448.
19. Памятники древнерусского канонического права / Русская историческая библиотека. – СПб., 1880. – Т. 6, ч. 1. Памятники XI–XV вв. – 683 с.
20. НИОР РГБ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 7.
21. **Еремин, И. П.** Литературное наследие Кирилла Туровского / И. П. Еремин // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 13. – 736 с.
22. Памятники Древле-Русской духовной письменности: Поучения Кирилла, епископа Ростовского (XIII века) // Православный собеседник. – Казань : Типография Императорского университета, 1859. – № 1. – С. 252–256.
23. **Алмазов, А. И.** Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям / А. И. Алмазов. – Одесса : Типолитография Штаба Одесского военного округа, 1894. – Т. 3: Приложения.
24. Памятники русского права. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. – Т. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. – 287 с.
25. «Паренесис» Ефрема Сирина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1987. – Вып. 1. XI – первая половина XIV вв. – С. 296–299.
26. НИОР РГБ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 204.
27. **Толстой, Н. И.** Этнографический комментарий к древним славяно-русским текстам. Сеть (мрежа) / Н. И. Толстой // Литература и искусство в системе культуры. – М. : Наука, 1988. – С. 122–129.
28. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское библейское общество, 2008. – 1250 с.
29. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М. : Художественная литература, 1981. – С. 440–455.

References

1. Anichkov E. V. *Yazychestvo i Drevnyaya Rus'* [Paganism and Ancient Rus]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2009, 538 p.
2. Gal'kovskiy N. M. *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevney Rusi* [Christianity's struggle against residual paganism in Ancient Rus]. Kharkov: Eparkhial'naya tipografiya, 1916, vol. 1, 376 p.
3. Rybakov V. A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Ancient Rus]. Moscow: Nauka, 1987, 783 p.

4. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of ancient slavs]. Moscow: Nauka, 1994, 608 p.
5. Osipova O. S. *Slavyanskoe yazycheskoe miroponimanie (filosofskoe issledovanie)* [Pagan world view of slavs (philosophical research)]. Moscow, 2000, 98 p.
6. Zubov N. I. *Zhivaya starina* [Living antiquity]. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 1995, no. 3, pp. 46–48.
7. Kleyn L. S. *Voskreshenie Peruna: k rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazychestva* [Peroun's resurrection: on reconstruction of east-slavic paganism]. Saint-Petersburg: Evraziya, 2004, 480 p.
8. Petrukhin V. Ya. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folk art. Folk demonology]. Moscow: Indrik, 2000, pp. 314–343.
9. Petrukhin V. Ya. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the history of Russian culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000, T. I. *Drevnyaya Rus'*, pp. 238–242.
10. Danilevskiy I. N. *Povest' vremennykh let: germeneyticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [Tale of Bygone Years: hermeneutic foundations of annalistic texts studies]. Moscow: Aspekt-Press, 2004, 370 p.
11. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey* [State Historical Museum]. (GIM). F. Sin. D. 478.
12. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki* [Department of manuscript research of the Russian State Library]. (NIOR RGB). F. 304. Op. 1. D. 124.
13. Budilovich A. S. *XIII slov Grigoriya Bogoslova v drevneslavyanskom perevode* [XIII orations of St. Gregory the Theologian in ancient-slavic translation]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1875, 293 p.
14. Sreznevskiy I. I. *Svedeniya i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamyatnikakh* [Information and notes on little-known and unknown monuments]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1867, vol. 1. I–XL, 198 p.
15. *NIOR RGB*. F. 173. Op. 1. D. 78.
16. Serebryanskiy N. I. *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya* [Ancient Rus' princely life]. Moscow: Chteniya Obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh, 1915, part 2, 184 p.
17. Gal'kovskiy N. M. *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevney Rusi* [Christianity's struggle against residual paganism in Ancient Rus]. Kharkov: Eparkhial'naya tipografiya, 1916, vol. 2, 308 p.
18. Karatygin I. G. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading]. Saint-Petersburg: Tipografiya A. P. Lopukhina, 1877, no. 3–4, pp. 423–448.
19. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Monuments of Ancient Rus' canon law. Russian historical library]. Saint-Petersburg, 1880, vol. 6, part 1, Pamyatniki XI–XV vv., 683 p.
20. *NIOR RGB*. F. 304. Op. 1. D. 7.
21. Eremin I. P. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of Department of Ancient Rus' literature]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1957, vol. 13, 736 p.
22. *Pravoslavnyy sobesednik* [Orthodox interlocutor]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1859, no. 1, pp. 252–256.
23. Almazov A. I. *Taynaya ispoved' v Pravoslavnoy Vostochnoy Tserkvi: Opyt vneshney istorii. Issledovanie preimushchestvenno po rukopisyam* [Auricular confession in Orthodox Eastern Church: Experience of external history: research of manuscripts predominantly]. Odessa: Tipolitografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga, 1894, vol. 3: Prilozheniya.
24. *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1952, vol. 1, Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv., 287 p.
25. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of scribes and Ancient Rus' literature]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1987, iss. 1, XI – pervaya polovina XIV vv., pp. 296–299.
26. *NIOR RGB*. F. 304. Op. 1. D. 204.

27. Tolstoy N. I. *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury* [Literature and art in a system of culture]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 122–129.
28. *Bibliya: knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible: scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo, 2008, 1250 p.
29. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIII vek* [Ancient Rus' literature monuments. The XIIIth century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981, pp. 440–455.

Лушников Александр Александрович
кандидат исторических наук, докторант,
кафедра истории России, краеведения
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: lushnikov1@mail.ru

Lushnikov Alexander Alexandrovich
Doctor of historical sciences, doctoral
student, sub-department of history
of Russia, local history and history teaching
methods, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 930.85

Лушников, А. А.

Византийская патристика и сюжеты о культе стихий в антиязыческой литературе Древней Руси / А. А. Лушников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (36). – С. 5–16.